

ных устоев и принципов. Свой символ веры писательница сформулировала следующим образом: «Нашими врожденными моральными качествами мы обязаны усилиям наших предков, и наш долг перед потомками — продолжать процесс самосовершенствования» [11, с. 87].

Одновременно английский реализм остался чуждым и тот объективно-бесстрастный, «анатомирующий» подход к жизни и человеку, который утверждался у французских реалистов. В их произведениях возникает атмосфера «человеческого внимания» к персонажам, эмоциональной взволнованности, даже некоторой сентиментальности. Они отнюдь не стремились к авторскому самоустранению из произведения. Авторское присутствие активно (хотя и по-разному) проявляется у Диккенса и Теккерея, Тrolлопа и Дж. Элиот. Следует отметить, что для некоторых современных западных ученых все эти особенности английского реализма — свидетельства его «недоразвитости», поскольку он якобы так и не прорвался к бесстрастному аналитическому исследованию объективного мира и человека. По словам Г. Левина, английский реализм «является не столько реализмом в собственном смысле слова, сколько стыдливым идеализмом, варьирующимся в пределах от сатиры Свифта до сентиментальности Диккенса» [12, с. 45]. В своих суждениях о реализме Левин исходит из определенного эталона (которым для него является реализм французский). Не учитывая многообразия его форм и национальных вариантов, он считает слабостью то, что составляет сильные стороны и яркое своеобразие английского реализма.

В XIX в. немецкая литература оказалась среди тех литератур Европы, которые не пережили расцвета реализма. Более того, в эпоху реализма наблюдается определенный ее спад, она «утрачивает мировое значение, какое она имела на протяжении ста лет, от Лессинга до Гейне» [13, с. 6]. Но то, что немецкий реализм не поднялся тогда до уровня французского, английского или русского, вовсе не означает, что он не проявился весьма широко и интенсивно, что он был лишен отчетливого национального своеобразия.

В отличие от литератур английской и французской в немецкой литературе формирование реализма не завершилось в 30—40-е годы, и эпоха реализма начинается в ней после 1848 г. [14]. В том, собственно, и беда немецкого реализма, что в предмартовский период он не успел сложиться в завершенную художественную систему и окрепнуть. Это произошло уже в иную историческую эпоху, после поражения революции 1848 г., в условиях бурного развития капитализма и утверждения гегемонии пруссачества во всей Германии. Храня верность гуманистическим и демократическим традициям, немецкие писатели-реалисты оказались в оппозиции и к тому и к другому. Но одновременно они оказались бессильными подняться над этими реальностями немецкой жизни на высоту, достаточную для критического их преодоления, заняли, скорее, оборонительную позицию по отношению к ним (В. Раабе, Т. Шторм, Т. Фонтане, австриец А. Штифтер). При этом они брали под защиту то, что еще частично устояло под натиском капиталистического прогресса и пруссачества: разрушающийся полупатриархальный уклад бюргерской и народной жизни, ее добродетели и «задушевность», нравственное здоровье, пресловутое обаятельность и т. д.

Что же касается *Zeitroman*'а, романа о современности, представленного поздним К. Гудковым, Г. Фрейтагом, Ф. Шпильгагеном и др., то свойственные ему масштабность и концептуальность, более широкий и свободный взгляд на действительность носили скорее внешний характер, ибо все это не сочеталось с глубоким проникновением в ту же действительность и ее подлинным критическим преодолением.

Но необходимо указать и на другие факторы, обусловившие особенности развития немецкого реализма, его своеобразие. Начнем с того, что в системном единстве немецкой духовной культуры того времени литера-